

М. М. НАРИНСКИЙ

ДРАМА ЖОЗЕФА КАЙО

(Падение радикального министра
и наступление лагеря правых во Франции)

В редакции парижской газеры «Le Figaro» привыкли к посетителям. Часов в шесть 16 марта 1914 г. в кабинет директора газеты Гастона Кальметта прошла элегантная дама. «Вы, должно быть, догадываетесь о причинах моего визита?» — спросила она. «Уверяю Вас, нет», — ответил Кальметт. Дама выхватила из муфты браунинг, раздалась шесть выстрелов, Кальметт упал. В кабинет вбежали сотрудники редакции. Посетительница стояла посреди комнаты и повторяла: «Во Франции нет правосудия. Это был единственный путь». Задержанную доставили в полицейский комиссариат Монмартра. Вскоре туда приехал ее муж, Жозеф Кайо. На ходу он бросил полицейскому: «Вы могли бы отдать мне честь. Все-таки я — министр финансов!»

К утру уже весь Париж говорил о случившемся. В. И. Ленин, узнав о происшествии, писал из Кракова Инессе Арманд: «Какое впечатление произвел на тебя le geste de M-me Caillaux *? Признаться, не могу отделаться от чувства некоторой симпатии: я думал, в этой среде *одна* продажность, трусость и подлость. А тут вдруг бой-баба leçon ** дала решительный!! Интересно, что скажут присяжные и каковы *будут* политические последствия. Уйдет ли Caillaux? Свергнут ли радикалов?»¹. Почему Владимир Ильич с симпатией отнесся к поступку г-жи Кайо? Каково было политическое значение событий, привлечших его внимание? Попытка ответить на эти вопросы позволит лучше понять сложную фигуру самого Кайо и разобраться в расстановке политических сил во Франции накануне первой мировой войны.

* * *

Лидер партии радикалов, министр финансов, Жозеф Кайо был одной из видных фигур в политических кругах Франции. Сын министра, обладатель миллионного состояния, свой человек в банковских кругах, он считался в парламенте крупнейшим специалистом по финансовым вопросам. Способный финансист, Кайо выступил за введение прогрессивного подоходного налога взамен сложной и малоэффективной системы косвенных налогов. Реформа должна была укрепить финансы, способствовать развитию французской экономики. В борьбе за налоговую реформу Кайо обрел как сторонников, так и противников.

В 1906 г., заняв пост министра финансов в кабинете Клемансо, Кайо решил, что время реформ пришло. Его проект был встречен в палате депутатов бурными аплодисментами слева, но натолкнулся на яростное сопротивление правых. Кайо, осторожный умеренный политик, попал в водоворот острой политической борьбы. «Теперь он сделался «человеком подоходного налога», и, вопреки своему происхождению, идеям, темпераменту, даже внешности, он выпущен был, поддерживая свой налог, все более

* *Le geste de M-me Caillaux* — жест г-жи Кайо (фр.).

** *Leçon* — урок (фр.).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 272.

и более левей»². В конце концов проект был отвергнут правым большинством палаты но крупная буржуазия Франции запомнила имя его автора.

В марте 1911 г. Кайо вновь стал министром финансов, а месяц спустя — премьером. Его пребывание на этом посту совпало с известным Агадирским кризисом: Германия добивалась своей доли в Марокко и всерьез грозила войной. В создавшейся ситуации Кайо стремился найти компромиссное решение, которое открыло бы путь к улучшению франко-германских отношений. Через посредников Кайо вступил с немцами в переговоры за спиной министра иностранных дел Франции.

В итоге переговоров политическая линия Кайо, казалось, восторжествовала. 4 ноября 1911 г. было подписано франко-германское соглашение, урегулировавшее конфликт. Вместе с тем Агадирский кризис способствовал росту волны шовинизма в европейских странах. В Германии пресса и депутаты рейхстага выражали недовольство заключенным соглашением. Во Франции националистически настроенные круги, приобретавшие все большее влияние, выступали против любого компромиссного решения. Правым удалось добиться падения кабинета Кайо. Теперь Кайо приобрел прочную репутацию не только творца проекта подоходного налога, но и германофила, вступившего в секретные переговоры с немцами. Это ему тоже не забылось. «Кайо никогда не скрывал, что он являлся... сторонником франко-германского сближения в интересах обеих наций,— писал во время первой мировой войны Ромен Роллан.— Разве это преступление? Да, несомненно, для ослепленной толпы»³. Но и после отставки Кайо остался одним из заметных фигур на французской политической сцене, а в 1913 г. возглавил партию радикал-социалистов. Падение ее влияния в 1906—1913 гг. было связано с общим сдвигом вправо во Франции. В условиях явного обострения социальной напряженности широкие массы мелкой и средней буржуазии дали запугать себя призраком пролетарской революции и пошли на союз с клерикально-милитаристской реакцией. После антиклерикальных реформ Э. Комба, осуществленных в 1902—1905 гг., партия радикалов не могла ни выдвинуть привлекательных лозунгов, ни найти популярного лидера.

В 1913 г. в политической жизни Франции доминировали две проблемы: возврат к трехлетней военной службе и введение подоходного налога. 4 марта 1913 г., ссылаясь на рост международной напряженности, Верховный совет национальной обороны под председательством Пуанкаре рекомендовал восстановить трехлетний срок прохождения военной службы. Реакционные круги французской буржуазии вели активную подготовку к развязыванию новой войны. Борьба правительства за принятие законопроекта о трехлетней службе сопровождалась разгулом националистической истерии. Ложь и клевета, ссору и грубые нападки — все было пущено в ход идеологами правых. «В душе националистов движением за закон о трехлетней службе порождается подлая ненависть,— писал Жорес.— Любой, кто без рассуждений не приемлет этот пагубный закон, обличается как предатель, продавшийся врагу. Якобы во имя родины распространяется грязь и клевета»⁴.

После ожесточенной борьбы в палате депутатов правительственный законопроект был принят большинством голосов. Против голосовали социалисты и большая часть радикалов, в том числе Кайо. 7 августа законопроект был одобрен сенатом. Принятие закона и решение правительства не демобилизовывать солдат призыва 1910 г. вызвали массовое недовольство. В г. Туль 300 солдат вышли на демонстрацию с криками «Долой трехлетний срок!» и пением «Интернационала». Подобные манифестации состоялись и в других городах⁵.

Введение трехлетней службы требовало значительных расходов. Возникал вопрос: кто будет платить? Левые добивались введения прогрессивного подоходного налога. Однако крупная буржуазия энергично сопротивлялась введению подоходного налога. В стране нарастала борьба между националистической реакцией и сторонниками реформ.

² R. Binion. Defeated Leaders. The Political Fate of Caillaux, Jouvenel and Tardieu. New York, 1960, p. 30. Естественно, что о поведении Кайо можно говорить лишь до определенного периода, да и то с некоторыми оговорками.

³ R. Rolland. Lettres à sa mère.—«Europe», 1964, № 421—422, p. 89.

⁴ «L'Humanité», 12.VI.1913.

⁵ G. Bonfours. Histoire politique de la Troisième république, t. I. Paris, 1956, p. 341.

В этой острой политической обстановке на съезде радикалов в По победило левое крыло партии. Была принята, по словам Жореса, «программа ограниченных, но ясных реформ»⁶, в том числе требования о введении единого прогрессивного налога на доходы и капитал; возвратом к двухлетней военной службе в сочетании с военным обучением молодежи и созданием соответствующих резервов. Был намечен план сплочения сил радикалов, которые обрели в лице Кайо энергичного лидера. «Кайо — умный, энергичный, честолюбивый человек. Он профессиональный политик, может быть, беззастенчивый в выборе средств, — писал очевидец событий М. П. Павлович (в то время политический эмигрант, в 20-е годы известный советский историк). — Но это один из самых выдающихся деятелей современной Франции, человек, стоящий целой головой выше многих других блестящих представителей французской буржуазии... Жорес и Кайо — два самых ненавистных человека во Франции в глазах правых партий»⁷.

30 ноября на банкете, устроенном радикалами, Кайо произнес обличительную речь против политики премьер-министра Барту, который добивался в это время проведения через парламент закона о новом займе в 1300 млн. франков, предназначенном главным образом для покрытия военных расходов. Одновременно правительство пыталось провозгласить принцип налогового иммунитета для ренты с государственных бумаг. 2 декабря, не получив в палате большинства по последнему вопросу, правительство Барту пало. 9 декабря радикал Гастон Думерг сформировал новый кабинет, в котором Кайо занял пост министра финансов. В правительственной декларации Думерг указывал на необходимость проведения реформ и принятия закона о подоходном налоге; его главной движущей пружиной был Жозеф Кайо.

«Создание новых видов налогов необходимо, — писал Жорес. — Мы будем всеми нашими силами помогать Кайо выиграть борьбу по этому пункту, которую он ведет увлеченно и решительно»⁸. Социалисты видели ограниченность налоговой реформы, они критиковали непоследовательность министра финансов, но энергично поддерживали его в борьбе за подоходный налог⁹. Наметилось сближение левого крыла радикалов с социалистами на основе совместных выступлений за социальные реформы, против закона о трехлетней службе в армии¹⁰. Еще весной 1913 г. Кайо встретился с Жоресом, чтобы согласовать действия в борьбе против этого закона. После падения министерства Барту лидер радикалов вновь стремился заручиться поддержкой социалистов, и в первую очередь Жореса. «Один человек мог бы легко выполнять роль лидера большинства, — вспоминал Кайо. — Этот человек — Жан Жорес»¹¹.

Против реформ решительно выступили правые. Сигнал подал А. Бриан. 21 декабря он выдвинул программу «национального единения» и борьбы против радикализма. Не называя Кайо, Бриан охарактеризовал его как «плутократа-демагога». «Бриан сформулировал политику реакции и удовлетворил свою личную злобу», — писала «L'Humanité»¹². 13 января 1914 г. было официально объявлено о создании «федерации левых» во главе с Барту, Брианом и Мильераном. Левая этикетка и демагогический лозунг «Республика — это свобода» на деле прикрывали реакционную группировку. Федерация требовала строгого выполнения закона о трехлетней службе, отказа от проведения реформ. Федерация пользовалась закулисной поддержкой президента Р. Пуанкаре.

Возглавив министерство финансов, Кайо повел борьбу за введение прогрессивного подоходного налога. Его проект включал обложение состояний, превышающих 30 тыс. франков, и налог на доходы, размеры которого зависели от капитала и полученных с него процентов. Правые в парламенте ожесточенно сопротивлялись. За спиной Барту, Бриана, Мильерана, других его врагов стояли влиятельные финансовые и промышленные круги Франции. Еще в 1910 г. Союз металлургической и горнодобывающей промышленности создал Комитет защиты от налогов, объединивший противников расширения экономической роли государства. В 1913—1914 гг. этот комитет приложил нема-

⁶ «L'Humanité», 21.X.1913.

⁷ М. П. Павлович. Франция накануне мировой войны. (Отрывки из дневника политического эмигранта). М., 1918, стр. 81—82.

⁸ «L'Humanité», 31.XII.1913.

⁹ «L'Humanité», 3. I.1914.

¹⁰ Ch. P a i x - S é a i l l e s. Jaures et Caillaux. Notes et souvenirs. Paris, 1920, p. 87—88.

¹¹ J. C a i l l a u x. Mes mémoires, vol. 3. Paris, 1947, p. 91.

¹² «L'Humanité», 22.XII.1913.

ло усилий, чтобы провалить налоговую реформу Кайо. Против введения подоходного налога выступили и другие объединения промышленников и торговцев. Нападки на Кайо усилились.

В реакционной прессе началась шумная кампания против Кайо и его сторонников. «Г-н Кайо — плутократ-демагог» — под таким заголовком 27 декабря появилась большая статья, подписанная инициалами «G. C.» Гастон Кальметт объявил Кайо войну. На следующий день Кальметт раскрыл цели кампании, требуя отставки лидера радикалов с поста министра финансов¹³. «Тайные комбинации г-на Кайо» — материалы под такой рубрикой почти ежедневно публиковались в «Le Figaro». Газета заговорила о внешнеполитических ошибках Кайо. Но министру финансов удалось предотвратить публикацию в «Le Figaro» текста расшифрованных телеграмм германского посла в Париже, раскрывавших содержание секретных переговоров Кайо с кайзеровским правительством в период Агадирского кризиса. 10 марта половину первой полосы заняла статья «Секретные дела г-на Кайо». В ней Кальметт обвинил, в частности, Кайо в покровительстве мошеннику Рошетту, банковскому служащему, пустившемуся в финансовые аферы. Начатое зимой 1910—1911 гг. расследование выявило мошенничества Рошетта. Теперь Кальметт обвинял Кайо в том, что он, будучи министром финансов, добился отсрочки суда над Рошеттом.

13 марта 1914 г. читатели «Le Figaro» увидели на первой полосе кричащий заголовок: «Доказательство секретных махинаций Кайо. Ошеломляющий документ». В глаза бросался выделенный жирным шрифтом текст письма, написанного на бланке сената: «Я провалил подоходный налог, делая вид, что защищал его; мне удалось сорвать аплодисменты центра и правых, не вызвав излишнего недовольства «левых». Внизу стояла подпись: «твой Джо». Автором этого письма был Ж. Кайо. Оно свидетельствовало, по мнению автора статьи, о «двуличии речей Кайо, лживости его программы и опасном безрассудстве его властолюбия, грозящего гибелью Франции. Общественное зло разоблачено... Моя задача выполнена. Убирайтесь! Уходите!» — так завершалась статья. Как выяснилось, Кальметт использовал письмо Кайо от 5 июля 1901 г., который был тогда министром финансов. В то время ни Кайо, ни министерство в целом не были готовы к борьбе за подоходный налог, ибо его обсуждение грозило падением правительства.

Все это, конечно, не обеляло Кайо. Однако и Кальметт боролся вовсе не за чистоту политических прав. «В те критические моменты, когда создается угроза привилегиям господствующих классов, реакционеры используют вечную тактику: либо оклеветать борцов за демократию, либо беспощадно использовать их действительные ошибки, их доказанные срывы и слабости, снисходительно покрывая мраком и замалчивая ошибки, срывы и слабости защитников привилегий», — такую отповедь дал Кальметту Жорес¹⁴.

«Le Figaro» не называла даму, которой писал министр финансов. Ею была первая жена Кайо. После развода она сохранила письма, компрометировавшие Кайо. Часть писем была адресована ей самой, другая — второй жене министра, когда она еще находилась в интимной связи с Жозефом Кайо.

Почему же теперь Кальметт решился использовать эти частные письма, о которых уже давно поговаривали в парижских салонах? Директор «Le Figaro» искусно вел кампанию против министра финансов, но он не был пружиной этой политической игры. За его спиной стояли влиятельные политические деятели. Несколькими лет спустя его брат утверждал, что кампания велась «по постоянным указаниям трех политических деятелей, его (Кальметта. — М. Н.) друзей, к которым он питал полное доверие и которые снабжали его всеми доказательствами, всеми сведениями, всеми документами». Сам Кайо называл имена Барту, бывшего министра финансов Клотца и Пуанкаре¹⁵.

Но вернемся к событиям, последовавшим за публикацией письма. 14 марта Кальметт вновь заговорил о деле Рошетта, намекая на имеющиеся у него секретные документы, направленные против министра финансов. Кайо попросил аудиенции у Пуанкаре. До этого спокойно, по крайней мере внешне, переносивший нападки Кальметта, он явился в Елисейский дворец сильно возбужденный. Решили, что президент побеседует с Брианом и Барту, поддерживавшими хорошие отношения с Кальметтом. Но

¹³ «Le Figaro», 28.XII.1913.

¹⁴ «L'Humanité», 14.III.1914.

¹⁵ J. Caillaux. Op. cit., p. 129, 132—133.

хитрый Бриал уехал из Парижа, а Барту постарался заверить Пуанкаре, что Кальметт не собирается публиковать ничего секретного. Тем не менее весь Париж уже только и говорил, что о предстоящих разоблачениях. Это подтвердил и один из редакторов «Le Figaro», О. Авриль: «Это еще не все. У нас в запасе есть многое другое»¹⁶. 16 марта заголовком в «Le Figaro» гласил: «Комическая интермедия. Заметки к биографии «Джо», написанные Жозефом Кайо»¹⁷. Само название «Комическая интермедия» давало понять, что разоблачения будут продолжены.

Утром, получив газету, г-жа Кайо вошла в кабинет мужа вне себя от ярости: «Неужели ты ничего не предпримешь?» Кайо в ответ лишь пожал плечами. Разгневанная супруга бросила газету на пол и вышла, хлопнув дверью. Она имела основания опасаться, что Кальметт опубликует интимные письма Кайо, адресованные ей самой.

В этот же день Кайо попросил жену побеседовать с председателем трибунала департамента Сены Монье, а сам поехал в Елисейский дворец, чтобы объяснить с президентом. Кайо выразил президенту опасения, что Кальметт опубликует его личные письма. «Если он опубликует хоть одно из них, я убью его», — вывалось у министра финансов. Тем временем г-жа Кайо встретила с Монье. Выяснилось, что закон не мог помешать Кальметту опубликовать интимные письма. «Правосудие бессильно, — так передала она мужу слова юриста. — Надо защищаться самим»¹⁸. В тот же день, написав Кайо записку: «Это я совершу правосудие. Франция и республика нуждаются в тебе»¹⁹, она отправилась на улицу Дрюо, в редакцию «Le Figaro». Что произошло дальше, читателю уже известно...

«Судьба» — так озаглавил Жорес свою статью в «L'Humanité» от 17 марта. Он решительно отвергал версию о «политическом покушении», уже пущенную в ход реакционерами. «Если бы жена министра опасалась политического эффекта документов, о предстоящей публикации которых объявляла «Le Figaro», то как могли помешать этой публикации революрные выстрелы? — убедительно писал Жорес. — Они могли только усилить ее эффект». Далее Жорес выражал пожелание, чтобы раны Кальметта не оказались смертельными. Когда читатели разворачивали утром газету, Кальметта уже не было в живых. Он умер в полночь во время приготовлений к операции.

17 марта Кайо послал премьер-министру Думергу письмо об отставке. После происшедшего он оставался дома, выжидая дальнейших событий. В этот же день правые предприняли попытку свергнуть правительство Думерга и дискредитировать радикалов. На первой странице «Action française» бросалась в глаза шапка: «Жена министра в крови. Мадам Кайо убивает Гастона Кальметта». Реакционная газета апеллировала к национализму французского обывателя, внушая ему, что Кайо «продает Францию Германии»²⁰. Молодчики из реакционных организаций собрались на улице Дрюо, выкрикивая повиннистические лозунги. В 2 часа дня 150 человек пытались устроить манифестацию на Больших Бульварах, но были рассеяны.

Главные события разворачивались в Бурбонском дворце. В кулуарах палаты было необычайно оживленно. На вечернем заседании началось наступление правой оппозиции, потребовавшей отставки министра финансов. Вновь было поднято дело Рошетта. В решающий момент слово взял Барту. Поднявшись на трибуну, он огласил секретную записку генерального прокурора парижского суда Фавра. В ней говорилось, что 22 марта 1911 г. Фавра вызвал премьер-министр Мони и, ссылаясь на затруднения, которые может создать для министра финансов (т. е. Кайо) слушание дела Рошетта, поручил добиться переноса судебного разбирательства с апреля на август — сентябрь 1911 г.

После бурного обсуждения единогласно была принята резолюция о возобновлении деятельности парламентской комиссии по расследованию дела Рошетта. Морскому министру в кабинете Думерга — Э. Мони пришлось последовать примеру Кайо. «Отставка этих двух экс-премьеров, входивших в число наиболее влиятельных членов кабинета

¹⁶ «L'Humanité», 2.IV.1914.

¹⁷ «Le Figaro», 16.III.1914.

¹⁸ J. Caillaux. Op. cit., p. 122.

¹⁹ R. de Fleurieu. Joseph Caillaux. Paris, 1951, p. 170.

²⁰ A. Kriegel, J.-J. Becker. 1914. La guerre et le mouvement ouvrier français. Paris, 1964, p. 54—55.

та, должна была бы по справедливости и по логике событий повлечь за собой падение всего министерства», — раскрывал расчеты правых Р. Рекули, один из соратников Кальметта²¹. Реакционеры, в первую очередь из так называемой Федерации левых, стремились создать во Франции обстановку новой Панамы. Радикалы должны были бы барахтаться в грязи разоблаченных афер и злоупотреблений, а правые выступать в роли борцов против гниющей демократии за «национальные интересы» Франции. Лидеры правых надеялись, таким образом, привести своих сторонников к победе на выборах и закрепить закон о трехлетней службе, преградив одновременно путь реформам.

Правительство радикалов удержалось, но положение их лидера было катастрофическим. Г-жа Кайо находилась в тюрьме Сен-Лазар, самому Кайо предстояло объяснить свою роль в деле Рошетта — записка Фавра была весьма серьезным оружием в руках его противников, обвинявших бывшего министра в недопустимом вмешательстве в дела юстиции. В прессе появились сообщения о том, что Кайо отказывается от политической деятельности. В действительности же он продолжал борьбу. Его первоочередной заботой было объективное расследование дела Рошетта. В ходе работы парламентской комиссии Фавр признал, что Кайо лично никогда не говорил с ним о деле Рошетта. Наконец заключение комиссии было представлено палате. В нем констатировалось, что при отсрочке слушания дела Рошетта имело место вмешательство премьера Мони по просьбе Кайо. Осудив Мони и Кайо за «злоупотребление влиянием», комиссия тем не менее не нашла в их действиях ничего криминального. Ее выводы не давали оснований противникам радикалов для дальнейших спекуляций.

3 апреля выводы комиссии стали предметом дебатов в палате. Правые выражали неудовлетворение заключением комиссии и требовали привлечь Мони и Кайо к уголовной ответственности. Социалист М. Самба в яркой речи подчеркнул, что главный смысл происшедшего заключается в политической битве между сторонником подоходного налога Кайо и группировкой Барту — Бриана, использовавшей против министра финансов записку Фавра. «Если бы Кайо не выступал столь энергично за подоходный налог, ему бы это (дело Рошетта. — М. Н.) простили, — заявил Самба под бурные аплодисменты слева и протестующие крики справа. Тогда оратор повернулся к правым скамьям: — Да, господа, если бы он стал вашим покорным слугой, вы бы защищали его против нас»²².

Выводы парламентской комиссии отстаивал ее председатель Жорес. Он доказывал, что действия Кайо и Мони не являлись актом коррупции и уголовно не наказуемы. Одновременно Жорес резко осудил непосредственное давление финансовых кругов на политику и вмешательство политики в дела юстиции. 4 апреля после 11-часового заседания палата депутатов приняла следующую резолюцию: «Палата, принимая во внимание выводы комиссии по расследованию, осуждает противозаконное вмешательство финансов в политику и политики в дела юстиции, подтверждает необходимость принятия закона о несовместимости парламентских должностей с другими должностями и, выражая решимость обеспечить более эффективным образом разделение властей, переходит к очередным делам». Таким образом, правым не удалось раздуть политический скандал. Кайо писал: «Мои противники просчитались. Я выиграл первый тур»²³.

Вторым этапом борьбы для Кайо стали парламентские выборы.

Консервативным силам фактически противостоял блок социалистов и левого крыла радикал-социалистов. Руководство Французской социалистической партии (СФИО) призывало поддерживать во втором туре кандидатов партий, «готовых вести борьбу против войны, шовинизма и клерикально-милитаристской коалиции»²⁴. По утверждению биографа Жореса, американского историка Голдберга, «даже наиболее преданные гедисты чувствовали, что радикал-социализм Кайо был менее опасным, чем Федерация левых Бриана, хотя публично они и отрицали это»²⁵. Партия радикалов и радикал-социалистов пришла на выборы под лозунгами последовательной защиты светской школы, введения прогрессивного налога на личные доходы, постепенного уменьшения срока военной службы после соответствующих реформ. Кайо использовал в качестве ос-

²¹ R. Recouly. Gaston Calmette. Paris, 1914, p. 22.

²² «Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires», Session ordinaire de 1914, t. I, pt. 2, p. 2657.

²³ J. Caillaux. Op. cit., p. 146.

²⁴ «L'Humanité», 29.I.1914.

²⁵ H. Goldberger. The Life of Jean Jaures. Madison, 1962, p. 448.

новых козырей в предвыборной кампании подоходный налог и миролюбивую внешнюю политику.

26 апреля в первом туре выборов Кайо победил кандидата правых д'Айера. В обращении к избирателям последний выразил благодарность своим сторонникам, «которые подтвердили в ходе голосования свою независимость и доказали, что в округе Мамера значительное число храбрых людей никогда не одобряет ни преступление, ни сделки министра с мошенниками»²⁶. Кайо считал это заявление оскорбительным и послал к д'Айеру секундантов. Дело кончилось дуэлью на пистолетах в парижском парке «Де Пренс». Д'Айер выстрелил в землю, а Кайо в воздух. В Париже шутили, что его жена стреляет более метко.

Общим итогом выборов 26 апреля — 10 мая было усиление парламентской левой²⁷. Объединенные силы левых (социалисты, радикал-социалисты и республиканские социалисты) имели 268 голосов из 602. Таким образом, они не добрали всего лишь голосов 40 до абсолютного большинства. «Пробил час для большого министерства левых. Если бы я не был парализован проходившим судебным расследованием, я — единственный, кто мог бы возглавить такое министерство, за исключением Жореса, стесненного навязанной ему непримиримостью», — писал Кайо²⁸. Это заявление не свидетельствовало об избытке у него скромности, но шансы на создание правительства левого большинства действительно были велики. Правда, руководство СФИО отвергло участие социалистов в правительстве. Тем не менее Жорес охарактеризовал Кайо как деятеля, способного «сплотить все силы левых, чтобы повести Францию по пути, избранному громадным большинством избирателей, по пути политики социального прогресса внутри страны и патриотического достоинства за рубежом»²⁹. Программа демократических реформ получила в мае 1914 г. поддержку значительной части французских избирателей и могла стать основой для объединения левых сил.

Реакция предпринимала энергичные усилия, чтобы предотвратить сдвиг влево. После отставки кабинета Думерга в результате сложных маневров был образован кабинет во главе с республиканским социалистом Вивиани. Ему удалось собрать в парламенте разношерстное и неустойчивое большинство.

Политическая ситуация позволяла лидеру радикалов надеяться на приход к власти при благополучном решении суда по делу его жены. Он вновь стремится заручиться поддержкой Жореса. Как-то в июне состоялась серьезная беседа Кайо с Жоресом. «Необходимо как можно скорее создать большое министерство левых с внешнеполитической программой, которая была бы направлена на поиски основы для широкого европейского примирения», — заявил Кайо. Он подчеркнул, что такое правительство будет возможно, «только если социалистическая партия предоставит ему неограниченную поддержку и пойдет на сотрудничество не только в парламенте, но и в правительстве. Что касается меня, — уточнил он, — то я в настоящий момент не вижу возможности взять на себя ответственность за власть, если Вы не войдете в кабинет, приняв портфель министра иностранных дел»³⁰. Но Жорес отказался от этого предложения. Очевидно, при более благоприятных обстоятельствах в июне — июле 1914 г. нельзя было полностью исключать возможность создания министерства Кайо — Жореса на демократической, антимилиитаристской основе.

Однако г-жа Кайо все еще находилась в тюрьме. Процесс начался 19 июля. Заседания суда проходили в обстановке накаленных политических страстей. «Это — политический процесс, — отмечал обозреватель «Le Figaro». — Стоите ли вы за подоходный налог или против него? Сочувствуете ли вы закону о трехлетней военной службе? Одобряете ли вы нынешнюю систему союзов и соглашений или нет? Дело в этих вопросах и ни в чем другом»³¹. Подсудимой было предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве Кальметта с целью предотвратить публикацию компрометирующих ее мужа документов.

²⁶ R. de Fleuriu. Op. cit., p. 184.

²⁷ Наиболее внушительным был успех социалистов, которые, завоевав 30 новых мест, провели в палату 102 депутата. Радикалам удалось сохранить свои позиции, заняв 136 мест в новом составе палаты.

²⁸ J. Caillaux. Op. cit., p. 149.

²⁹ Ch. Paix-Séailles. Op. cit., p. 132.

³⁰ Ibid., p. 139—140.

³¹ Цит. по: М. П. Павлович. Указ. соч., стр. 81.

Кайо выступил весьма удачно, а обвиняемая проявила во время процесса выдержку и самообладание. Она последовательно отрицала умышленное убийство. По ее словам, она отправилась к директору «Le Figaro», чтобы добиться от него обещания не публиковать адресованных ей интимных писем, а в случае отказа устроить скандал. Весьма важными были показания экспертов. Обри, специалист по баллистике, доказывал, что траектория пуль проходила мимо Кальметта, а он случайно попал под них. Известный хирург Дуайен уверял, что раны не были смертельными, и при правильном лечении Кальметт мог бы через две недели прогуливаться по саду. Тем не менее обвинение потребовало смертной казни. Защитник подсудимой Лабори, когда-то выступавший по делу Дрейфуса, красноречиво нарисовал трагедию страдающей затравленной женщины и привел прецеденты оправдательных приговоров. «Париж, затаив дыхание, ожидает вердикта», — воскликнул он.

28 июля на вопрос: «Убила ли г-жа Кайо Гастона Кальметта?» — 11 из 12 присяжных дали отрицательный ответ. Кайо праздновал победу. «Да здравствует Кайо! — писал социалист Г. Эрве. — Этот лозунг, который мы выдвигали несколько месяцев тому назад, сразу же после драмы с «Le Figaro», как вызов националистам и консерваторам, теперь, по окончании этого процесса, мы можем выдвинуть вновь, вложив в него и симпатию к этому человеку... Столкнувшись с потоком клеветы и оскорблений, Кайо показал себя так, что партия радикалов может смело отстаивать его как своего лидера»³². Но было уже поздно. 29 июля, когда Кайо принимал поздравления, австрийские пушки обстреливали Белград. Остановить колесо военной машины было уже невозможно. Вечером 31 июля в кафе «Круассан» был убит пламенный борец против войны Жан Жорес. Префект полиции сразу же сообщил Кайо по телефону об убийстве и посоветовал ему немедленно уехать из Парижа, чтобы не разделить судьбу Жореса. На другой день Кайо покинул столицу. «Моя политика потерпела неудачу, — констатировал он. — Я представляю собой поверженного государственного деятеля»³³. Франция вступила в войну. Реакция сделала все, чтобы не допустить поворота влево в политической жизни страны. Усилиями правых к этому моменту были убраны два наиболее влиятельных лидера левых. Жорес пал под пулями убийцы, Кайо пришлось отойти от государственных дел.

Драма Кайо... Сводится ли она к тому, что выстрелы г-жи Кайо невольно вырвали из рук ее мужа рычаги государственной машины в эти последние месяцы перед мировой войной? Думается, что нет.

В мемуарах Кайо, говоря об избирательной системе Франции, сделал характерное признание: «Возможность каждые четыре года простым движением руки смещать парламентское большинство — это клапан, открытый для революционного духа. Если его закрыть, то какие опасности возникают на горизонте!»³⁴. Кайо отличало умение видеть отдаленные опасности. Проекты финансовой реформы, борьба против развязывания войны — все это для Кайо пути к сохранению необходимых клапанов, к предотвращению опасного кризиса. Он оставался чужим для трудящихся, а ограниченная французская буржуазия не поддерживала Жозефа Кайо. Защищая интересы капиталистической системы в целом, он покусался на интересы влиятельной группы правящего класса. Крайняя реакция и воинствующий шовинизм выступали непримиримыми противниками Кайо и расправились с ним. «Ожесточенная борьба крупной буржуазии против Кайо и сторонников последнего... явно показала, что господа крупные рантье не позволят никому посягать на их доходы и сумеют затравить всякого государственного человека, какой бы пост он ни занимал, если только он осмелится выступить против интересов господствующей шайки», — отмечал М. Павлович³⁵. В конечном счете драма Кайо состояла в том, что он не был понят классом, интересы которого защищал.

³² Цит. по: А. K r i e g e l, J.-J. B e c k e r. Op. cit., p. 57.

³³ J. C a i l l a u x. Op. cit., p. 180. В январе 1918 г. по требованию Клемансо Кайо был обвинен в измене и арестован. В апреле 1920 г. Верховный суд приговорил его «за сношения с врагом» к 3 годам тюрьмы, 5 годам ссылки и 10 годам лишения политических прав. После амнистии 1925 г. Кайо вернулся к политической деятельности заметно поправевшим. В 1932—1940 гг. Кайо, председатель финансовой комиссии сената, представлял интересы правого крыла радикалов, способствовал свержению правительства Народного фронта. Умер он в Мамере в ноябре 1944 г.

³⁴ J. C a i l l a u x. Mes mémoires, vol. 2. Paris, 1943, p. 91.

³⁵ М. П а в л о в и ч. Перед угрозой будущей войны. — Ж. К а й о. Куда идет Франция? Куда идет Европа? М.-Пг., 1923, стр. 9.